

МОЯ ЖИЗНЬ ТЕЧЕТ В МОРЕ

Из поэмы

Перевод с испанского
БОРИСА СЛУЦКОГО

Три десятилетия прошло с начала второй мировой войны. А за какие-то годы до ее первых залпов в газете «Известия» были опубликованы антивоенные стихи тогда еще не известного нашим читателям венесуэльского поэта и прозаика Мигеля Отеро Сильвы — «Солдаты, солдаты, солдаты...»

Ныне романы Мигеля Отеро Сильвы — «Лихорадка», «Мертвые дома», «Контора № 1» (в русском переводе «Город в саванне»), а также впервые увидевший свет на русском языке на страницах нашего журнала роман «Пятеро, которые молчали» — завоевали заслуженную популярность в Советском Союзе.

Мигель Отеро Сильва, став всемирно известным романистом, остается и виднейшим поэтом Венесуэлы. Значительным вкладом в национальную поэзию вошли его поэтические сборники «Вода и русло», «25 стихов», «Глупые симфонии», «Поэзия до 1966», его поэма «Хоральная элегия Андресу Элою Бланко», посвященная памяти венесуэльского поэта-патриота, погибшего в изгнании, большая философская поэма «Море — это смерть».

Эпиграфом к последней поэме Отеро Сильва избрал строфы великого испанского поэта-солдата Хорхе Манрике, который еще пять веков назад писал:

Наши жизни — это реки
что впадают в море,
а оно — смерть...

Отеро Сильва, однако, не приемлет мировоззрение Хорхе Манрике, исповедовавшего культ смерти и таившего надежды лишь на небесное блаженство. Венесуэльский поэт, горячо любящий жизнь на земле, своей последней поэмой — фрагменты которой мы предлагаем вниманию читателей, это вторая встреча с поэтом через десятилетия — утверждает волю к жизни, к борьбе за счастье человеческое. Поэма Мигеля Отеро Сильвы — вызов тем силам, что несут смерть, что намереваются обречь молодое поколение на гибель в новой империалистической войне.

Для чего — неизвестно.

Гойя

Музыка взрывается грохотом боя,
поэзия задымлена порохом и злобой,
пастыри проповедуют ненависть и насилье,
патриотики воют свои волчьи речи,
ученые высвобождают роковые формулы.
Для чего — неизвестно.

Мужчины прикалывают друг друга без причины,
студент проливает кровь хлеботороба,
винтовка рабочего умерщвляет поэта,
учитель заушает небеса и разрушает
парты и парки, бассейны и качели.
Для чего — неизвестно.

Невесты не помнят, какой день сегодня,
любовницы плачут в своих вдовьих кроватях,
матери безумеют от шагов почтальона,
бабки влачат колыбели по свалке,
дети все видят, дети все слышат.
Для чего — неизвестно.

■ ■ ■

Вот что хуже всего.

Гойя

Вот что хуже всего: сражение уже завязалось,
а для чего — неизвестно.

Побежденные, будто Христы, с головами,
замотанными кровавыми тряпками,

униженные хлебом из муки пополам с дерьмом,
который они ели, и гнилыми лужами,
из которых они пили,

искусанные страхом, запыленные дозеленá,
с дрожью древних молитв на устах,

все эти вшивые побежденные, волочащие
культяпки в полутьме переулков на горе
своим несчастным женам,

все они никогда не узнают, почему мерзкий
хохот и подвернувшийся барабан возвещают
их разгром.

Не узнают и победители, шествующие сквозь
мешанину гвоздик, оркестров, платочков,
сквозь уличный праздник.

Весь кортеж паладинов с сердцами, которые
демон обнаружил под жестью медалей и
изрезал,—

да будет проклят рев самолетов врага, цикада,
мятущаяся в лабиринтах души и тайниках
внезапного страха!

Да будет проклят призрак ползущих
кишок и мозгов, кислотой выжигающий
глазной хрусталик!

Несчастные победители никогда не поймут,
почему их засасывает тряпина победы.

Еще меньше понимания у мертвецов,
павших на колючую проволоку, на
дно воронки, у входа в траншею,—

у двадцатилетних скульпторов, не успевших
обжечь свою глину, потому что они были
сожжены сами,

у прирожденных ученых и учившихся на ученых,
теперь никто не распознает их кости
в гнили трупов и гари мундиров,

у юношей, не узнавших любви,
у крестьян, не узнавших августовской жатвы,
у моряков без звездного неба,
у испепеленного народа.

Павшие пали, не узнав, почему и за что, какой
слепой импульс так грубо и рано рванул
стрелки часа их смерти.

Мы рискуем только догадываться, что когда оживут
нищета и страданье, когда история прославит
их на своем гнусном языке,

тогда дети побежденных,
дети победителей
и цветы, зародившиеся из праха мертвых,

запылают на высоких кострах,
сгорят в чудовищнейших лучах
так, что не останется ни единого
соленого семечка слезы,

если только,

если только
мы не спросим себя: «Для чего?» —
и не разобьем кулаки о молчавшую дверь.

Вот что хуже всего.

■ ■ ■

Чтобы страшиться смерти, надо обязательно быть
живым,

владеть совестью света,
слышать адажио воды,
обнажаться по призыву огня,
выжимать янтарный плод, пружинящий
в руке,—
вот что значит страшиться смерти.

Мертвые, бедные мертвые не боятся ничего,
ни рождения, ни жизни
и тем более смерти:
мертвые не могут чувствовать,
а страх смерти — это чувство, в этом
нельзя сомневаться.

Чтобы страшиться любви, надо быть раненным
любовью,
ее стрелой,
жаждать еще одной
и бодрствовать в лесах снов.

Страшиться потерять страх —
вот что значит бояться любви.

Любовники, бедные любовники
продолжают страшиться любви,
полулюбви, почти любви
и особенно забвения:
забвение — смерть, но не приносящая отдыха,
потому что слышны любые шаги,
кроме шагов любви,
кроме шагов любви.

■ ■ ■

Философ встал в дверях и сказал:
«Смирись со смертью, потому что она неизбежна».
А ведь «неизбежна» — только слово,
слепое, как скала,
о которую разбивается горящее сердце человеческое.
А ведь «неизбежно» — только понятие,
режущее, как нож,
обезглавливающий наше восприятие,
обескровливающий нашеприятие.

Другой философ встал в дверях и сказал:
«Смирись со смертью, ибо все смертны».
Как будто чужая смерть
озаряет нас утешением,
а не леденит мраком,
заставляющим принимать ее к сердцу
ближе, чем свою собственную смерть.
Как будто смерть
друзей, женщин, птиц и деревьев
не вызывает в нас той же безнадежности,
как и наша собственная смерть.

И, наконец, еще один философ
встал в дверях и сказал:
«Смирись со смертью, потому что есть
иная жизнь».
Как будто мне неведома судьба
мяса мертвых,
костей мертвых,
праха мертвых,
как будто я не знаю,
что все в мире
состоит из частиц людей,
павших тысячи, миллионы лет назад
и рассеянных навсегда.

Пьянчуга из нашей деревни встал в дверях
и твердил:
«Единственный способ смириться со смертью —
не вспоминать о ней,
никогда не вспоминать о ней».
Он не был ни мистиком, ни философом,
не знал книжной премудрости,
но в сиянии вина ему мерещились
и разум и глупость.
Вот так он жил, пьянчуга и смиренник,
никогда не вспоминая о смерти,
пока однажды,
в понедельник вечером,
смерть
сама не вспомнила о нем.

■ ■ ■

Кто сказал, что смерть — мрачная чаша,
ревуший поток, мчащий скелеты,
косые молнии, озаряющие полночь,
голодная сука, скулящая на звезды?

Кто сказал, что смерть — частокोल сабель,
выбеленная стена без конца, без края,
воздух, лишенный птиц и насекомых,
горящий песок под стронциевым небом?

Кто сказал, что смерть — серафическое сиянье,
вознесение пыли по золотым спиральям,
возвращение восвосяси,
очаг, задутый неким богом?

Смерть — это море, как сказал Манрике,
море и ничего боле.

■ ■ ■

Спускаюсь по заросшему ежевикой склону.

Слышу

тигров, рычащих на утесы.
Клокот, дрящущий веками,
язык космоса, непонятный даже богу,
монотонные удары воды,
которую не высушит даже солнце:
море.
Оно же — смерть.

Стою и слушаю птичьи пересуды,
контрапункт, застывший меж верхушек
сосен.

гимны, скрытые в складках ветра;
я присоединяю к общему хору
свой крик, свое сердце,
но громче всех голосов — голос
моря.

Оно же — смерть.

Пересекаю белые дюны,
и позади меня остаются
следы сандалий, как застылые чайки.
Без меня ткёт свой холст Пенелопа.
Язык Цирцеи вплетается в память.
Но сильнее всех пульсов
биение пульса
моря.
Оно же — смерть.

Скрежещу парусами о синий нож ветра,
пена смывает старость с корабельного носа.
В сетях, как соломинка, бьется утро,
но в глубине — кладбище потонувших кораблей,
и глаза утопленников мерцают в волнах
моря.
Оно же — смерть.

Я теряюсь в его чаще так же, как реки,
превращаюсь в ничто так же, как реки,
но море сочетает мои ткани в водоросли,
перламутр о мое чело полирует
и, перебирая мои позвонки,
играет на них свои псалмы —
море.
Оно же — смерть.

■ ■ ■

Моя песня мчится к морю.

Старые кедры вздымают стволы,
как прародители воды и тени,

молодые кедры прячут корни
в залежах руды и вплетают кроны
в бушприты урагана,

хабилы скрывают под шершавой корой
твердый и белый живой мрамор
своей древесины,

нагое сияние цветов
освещает мои воздушные витрины.

Мои соки текут в море.

Попугаи вздымают зеленые стяги
и алые флаги в ущельях зари.

Между берегом и берегом, между
лесом и лесом скрещиваются
мирные и добрые стрелы — это цапли.

Ягуары вдыхают в тесноте лиан
тяжелый желтый запах сельвы.

Рыбы плывут вместе со мною.
Их кинжалы вспарывают лоно
воздуха, пробивают в нем дорогу.

Моя кровь течет в море.

Мои стоки видят кривые контуры хижин
без дыма и без надежды на завтра.

В моих водах отражаются взоры
метисов из деревни, забытой на бескрайней
равнине.

Мои притоки несут гитарное треньканье
и песню, охрипшую от рома.

В моих заводах купается голая
женщина, всегда одна и та же.
Хотя мое сердце трижды, как
апостол Петр, отреклось от нее.

Моя жизнь течет в море.

